

УДК 94(47+57):323

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-4-43-52

Виктор Иванович Мерцалов,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: mercalov47@mail.ru

Атаман Семёнов как политик

В статье на основе мемуаров Г. М. Семёнова с использованием принципа историзма и политологического подхода прослеживается эволюция его политических взглядов и особенности политической позиции. Будучи убеждённым сторонником монархии, он в течение Первой мировой войны под влиянием военных неудач и пропаганды либералов склонялся к установлению в России конституционной монархии либо путём добровольного отречения Николая II от престола, либо путём дворцового переворота. После полного крушения самодержавия он стал твёрдым сторонником установления в России военной диктатуры. Политическая позиция Г. М. Семёнова характеризуется в статье как правый радикализм с чертами «революционного стиля» в отличие от консервативного радикализма А. В. Колчака. Его индивидуальным почерком в политике являлось устойчивое использование тактической хитрости нередко с оттенком авантюризма. Одновременно он понимал ограниченность консервативного радикализма А. В. Колчака, пытался действовать самостоятельно, используя в политике геополитический фактор. Им учитывался и в меру возможности использовался политический опыт большевиков. Главной чертой его политики был антикоммунизм, превратившийся после Гражданской войны в исчерпывающий мотив всей его деятельности и приведший его в стан нацистской Германии с её союзниками. Ослеплённый антикоммунизмом, он так и не понял, что, борясь против СССР, он боролся против России. Политический финал, обернувшийся для него личной трагедией, оказался неизбежным, а исторический акт возмездия – законным.

Ключевые слова: атаман Семёнов, Д. Л. Хорват, А. В. Колчак, политический радикализм, геополитический фактор, политическая концепция «Россизм»

Введение. За постсоветский период историография истории революции и Гражданской войны в Забайкалье отмечена появлением рядом новых монографических работ [2; 3; 6; 19]. В них на конкретно-историческом материале освещается и деятельность атамана Семёнова с заметным разбросом в её оценках. Появился целый цикл статей, посвящённых специально политической деятельности Г. М. Семёнова, написанных на архивных материалах ФСБ [11; 12]. Имеются публикации, освещающие такие важные исторические сюжеты, как попытки создания панмонгольского государства [10; 13; 20] и возникновение русского фашизма среди эмигрантов в Маньчжурии [9]. Историки всё активнее включают в обсуждение проблемы политической реабилитации деятелей белого движения, указывая на проблемы в изучении их политических взглядов [21].

Постановка проблемы об эволюции политических взглядов Г. М. Семёнова впервые сделана в статьях профессора Л. В. Кураса. На основе реконструкции событийной истории его военно-политической деятельности автором выделены три её этапа или «три жизни» [11; 12]. Нам представляется важным проследить и внутреннюю эволюцию его политической позиции. Для этого в статье авто-

ра «Особенности политического радикализма атамана Семёнова» предложено использовать политологический подход [18]. Данная статья является её продолжением.

Методология и методы исследования.

Новая исследовательская литература и доступность мемуаров Г. М. Семёнова открывают при условии критического отношения к ним возможность дать более полную и развёрнутую характеристику атаману Семёнову как политику [1]. Использование политологического подхода позволяет выделить основные его политические черты и сравнить их с политическими характеристиками адмирала Колчака и большевиков.

Атаман Семёнов в исторической литературе расценивается преимущественно как политический деятель авантюристического склада. Нам представляется, что ограничиваться такой оценкой было бы упрощением. Нельзя отрицать, что он в своей деятельности выходил и на уровень стратегического осмысления политики, определявшего его политическую деятельность. Не случайно название его мемуаров содержит характерное для них дополнение – «...мысли и выводы». Цель предлагаемой статьи – проследить, не ограничиваясь событийной историей, внутреннюю эволюцию политической позиции

Г. М. Семёнова и на основе этого дать по возможности целостную характеристику ему как политическому деятелю.

Результаты исследования и их обсуждение. Впервые устойчивый интерес к политике у Г. М. Семёнова возник в возрасте 14–15 лет под влиянием неудачной для России Русско-японской войны. Он писал: «Я болезненно переживал боевые события, складывавшиеся на фронте не в нашу пользу» [Там же, с. 11]. Одновременно у него проявилось и отрицательное отношение к каким-либо революционным проявлениям в общественной жизни, тем более к революции 1905–1907 годов.

Но первый опыт вхождения в политику он приобретал именно в условиях революционных изменений, правда, в Монголии, где он, владевший монгольским языком, оказался в 1911 году в «командировке для производства маршрутных съёмок», а затем был оставлен в казачьей сотне, охранявшей русское консульство в Урге. Знание монгольского языка позволило ему быть в центре происходивших событий. Он читал лекции по военному делу кандидату на пост военного министра Монголии и перевёл на монгольский язык русский устав строевой казачьей службы. Одновременно Г. М. Семёнов принял и активное участие в развернувшихся событиях в Урге. Командуя взводом, по распоряжению русского консула, он не только обеспечил охрану китайского резидента, но, действуя преимущественно по обстоятельствам и в меру складывавшейся ситуации, проявлял инициативу, решительность и находчивость. Ему удалось, в частности, предотвратить со своим взводом нападение на Дайцинский банк в Маймачене. В результате он уезжал в Россию с благодарностью администрации банка, щедро одаренный ею, но в то же время отозванный по настоянию Министерства иностранных дел, опасавшегося, что Россия может быть обвинена в нарушении нейтралитета из-за активности Семёнова [1, с. 19].

В целом Г. М. Семёнов уже в Монголии проявил себя как человек, обладавший даровитой и активной натурой, генерирующей общественную энергию, достаточную, чтобы оказывать преобладающее влияние на окружающих и удерживать своё лидерство [18, с. 35]. В его первом политическом опыте угадывается матрица его индивидуальной манеры политического действия, связанная с устойчивой склонностью к использованию тактической хитрости, усвоенной им со школьной скамьи, – «успех манёвра в очень

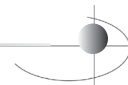
большой степени зависит от того, насколько тонко противник будет введён в заблуждение относительно истинной цели предпринятой операции» [1, с. 165].

При выяснении его исходных политических взглядов в глаза бросается буквально единичное использование в мемуарах слов «монархия» или «самодержавие», свидетельствующее об умолчании им своего отношения к этому институту государственной власти в России. Но это не было обычной формулой умолчания или «непредрешения», характерной для офицерского корпуса [7, с. 226]. Представляется, что его отношение к монархии приобрело в процессе его политической эволюции более сложный характер. Однако, на наш взгляд, не стоит сомневаться в том, что он начинал своё участие в Первой мировой войне убеждённым монархистом. Это было заложено в нём и традицией, и воспитанием, закрепившись в его твёрдой уверенности в непоколебимом величии России, поддерживаемой ожиданием её скорой победы. Об этом свидетельствует и текст его воспоминаний, когда он подвергает критике революционеров за их выступления «против веками сложившегося государственного порядка» [1, с. 11].

Но после года войны его стали обуревать сомнения. Он видел несопоставимость понесённых тяжёлых жертв, особенно в офицерском корпусе, с отсутствием решающих успехов на фронте. По этому поводу он писал, что «на войну 1914 года мы вышли с армией достаточно подготовленной и надлежало воспитанной. Это было наше единственное преимущество, принимая во внимание нашу отсталость в техническом отношении, и это преимущество было утрачено нами чуть ли не в первые полгода войны...» [Там же, с. 53].

Последующие события только усиливали его разочарования и сомнения. В 1915 году русская армия отступала, оставив противнику большую часть западной территории империи. Дивизия генерала А. М. Крымова, в составе которой в это время воевал Г. М. Семёнов, участвовала в прикрытии отступления пехоты на стыке Западного и Северного фронтов [Там же, с. 42]. В конце 1916 года их дивизия была снята с фронта и направлена в тыл для охраны в Бессарабии объектов инфраструктуры и борьбы с дезертирством [Там же, с. 57]. Численность дезертиров угрожающе росла. «Мы ловили на станции Узловая, – вспоминал он, – до тысячи человек в сутки» [Там же, с. 54].

Растущий масштаб дезертирства не мог не вызывать у него как минимум предчув-

ствия грядущего развала армии. Но не в той степени, чтобы побуждать его к какому-либо активному противодействию. И отречение императора он принял достаточно спокойно [1, с. 58]. «Причиной этому, – объяснял он, – помимо моей молодости, мне было в то время всего 26 лет, послужила также, без всякого сомнения, и та работа, которую проделали в армии многочисленные агитаторы не только из революционного лагеря, но и со стороны вполне, казалось бы, лояльных правительству кругов. Нам, строевым офицерам, усиленно стремились привить взгляд на необходимость отречения Императора, добровольно или насильственно, путём дворцового переворота. Ввиду того, что со стороны высшего командования не принималось равно никаких мер для пресечения этих слухов, мы как бы приучались считать отречение Государя Императора и передачу им верховной власти Вел. князю Николаю Николаевичу чуть ли не одним из обязательных условий в лучшую сторону» [Там же], что означало для него в это время учреждение в России как максимум конституционной монархии.

Приведённый отрывок также важен для понимания того, что до Февральской революции 1917 года решающую роль в разложении русской армии играли либеральные деятели, объединившиеся в 1915 году в «Прогрессивный блок» IV Государственной Думы. Именно внутри него, как известно, вынашивалась идея дворцового переворота и велась его подготовка, на что молчаливо смотрело руководство русской армии. «Ходили глухие слухи о готовящемся дворцовом перевороте, – вспоминал Г. М. Семёнов, – который связывался с именем Великого князя Николая Николаевича, пускались грязные сплетни о царской семье. Дискредитировался престиж императора, и совершенно открыто говорилось об измене и предательстве в непосредственном окружении трона» [Там же, с. 54].

Политическое пробуждение Семёнова пришло с отказом Великого князя Михаила Александровича вступить на престол, а появление революционного приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и отставка с поста Верховного главнокомандующего Николая Николаевича «окончательно подорвали...[его] веру в то, что переворот обойдётся без особых потрясений» [1, с. 59]. Скорее всего, с этого времени он начинает склоняться к пониманию необходимости установления в России военной диктатуры, постепенно остывая к идее реставрации в России монархии.

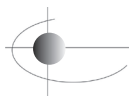
Он втягивался в политику всем ходом событий, причём входил в неё, что говорится, «снизу» в меру проявления своей инициативы и активности. Переведённый по собственной просьбе из тыла в Бессарабии на Персидский фронт, где находились забайкальские полки, он более месяца исполнял обязанности командира полка. Его политическая работа с казаками сохранила их боеспособность. Он не без внутреннего удовлетворения передал вернувшемуся из отпуска командиру полка полковнику П. П. Оглоблину вверенную ему часть в полном порядке. Он писал: «...я держал полк без революционных нововведений, т. е. дисциплинарную власть командного состава сохранил в полном объёме устава, комитетов не вводил, отдавание чести не отменял и в таком виде представил полк его командиру» [Там же, с. 60].

Однако под давлением приказов сверху в соответствии с политикой Временного правительства демократизацию полка впоследствии провели. Г. М. Семёнов был избран в Комитет 2-го Кавказского корпуса с наказом, указывающим по его настоянию на вред для армии приказа № 1 и введённых комитетов, на недопустимость дальнейшего существования Советов рабочих и солдатских депутатов [Там же]. В Союзе офицеров он заявил о необходимости «предъявить правительству требование подчинить армию в порядке дисциплины её командованию или принять меры к насильственному удалению Временного правительства», что было расценено как «бунт против законной революционной власти» [1, с. 63].

Но по-настоящему реальным шагом в политику, когда впервые проявилась его политическая самостоятельность, стало обращение к А. Ф. Керенскому, в то время военному министру, с идеей создания добровольческих национальных боевых отрядов. Степень распада управления армией летом 1917 года уже была такова, что он отправил в столицу доклад с его предложениями, минуя своё непосредственное военное начальство.

Его предложения получили поддержку. Вызванный в Петроград, он получил не только мандат на формирование добровольческого отряда на станции Берёзовка под Верхнеудинском, но был назначен «военным комиссаром Дальнего Востока» с полномочиями, распространявшимися «на всю... Дальневосточную окраину, включая полосу отчуждения КВЖД и Иркутский военный округ» [Там же, с. 74].

Кроме этого в ходе неоднократных бесед со своим куратором в аппарате военного ми-

нистерства М. А. Муравьевым он однажды высказался за немедленный арест руководства Петроградского Совета, пользуясь, как он считал, его слабостью. Он предложил Муравьеву «ротой юнкеров занять здание Таврического дворца, арестовать весь «совдеп» и немедленно судить всех его членов военно-полевым судом, как агентов вражеской страны [Германии – прим. В. М.]. ...Приговор суда, – утверждал он, – необходимо привести в исполнение тут же на месте, чтобы не дать опомниться революционному гарнизону столицы и поставить его перед совершившимся фактом уничтожения совдепа. Одновременно, – писал Семёнов – я предлагал объявить столицу на военном положении и, если потребуется, арестовать Временное правительство, после чего от имени народа просить Верховного Главнокомандующего генерала от кавалерии Брусилова принять на себя диктатуру над страной. Мой план заинтересовал Муравьева...» [1, с. 72–73].

В приведённом свидетельстве Г. М. Семёнова важно выделить три аспекта. Во-первых, оно отразило один из основных трендов политической борьбы в стране – тенденцию, которую проталкивали правые политические силы, боровшиеся против революции, – установление военной диктатуры. По существу предложение Семёнова предвосхищало в главных чертах Корниловский мятеж конца августа 1917 года, потерпевший полный провал и обернувшийся в конечном итоге победой советской власти сначала в Петрограде, а затем и в России. Во-вторых, сторонники военной диктатуры были не только противниками Советов, но по умолчанию и противниками Временного правительства. Они понимали – белогвардейская власть могла приобрести устойчивость и эффективность только при военной диктатуре. В-третьих, позиция Семёнова отразила и его индивидуальные черты, как политика, у которого подчас военно-тактические решения брали верх над политическими соображениями, что перечёркивало для него возможность осмыслить все последствия его политических шагов.

Рельефно в его предложении проявился и стиль его политических действий. Создать ситуацию неожиданности, сопровождаемой эффектом устрашения, поставить своих неустойчивых сторонников и особенно противников перед свершившимся фактом – таков отличительный политический почерк Г. М. Семёнова.

Его инициатива арестовать «совдеп» завершилась в то время только репликой Му-

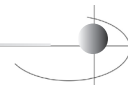
равьева – «подождём лучше, пока большевики не повесят всё Временное правительство, а мы с вами потом будем вешать большевиков» [Там же, с. 73].

Но его политический стиль вполне проявился в период деятельности Г. М. Семёнова в Забайкалье. Получив необходимые полномочия, он спешил в Забайкалье, где в августе должен был собраться Второй съезд забайкальских казаков, чтобы восстановить упразднённое первым съездом казачье сословие.

Приступить к реализации полученных в Петрограде полномочий ему удалось не сразу. Революция прогрессировала буквально по пятам его возвращения в Забайкалье. В Берёзовке он не закрепился и создавал Особый Маньчжурский отряд (ОМО) на станции Маньчжурия КВЖД.

Отряд был создан исключительно в стиле самого Семёнова – без согласования с русскими и китайскими властями, без какой-либо поддержки с их стороны и даже вопреки им. Сначала он подчинил Даурский гарнизон, состоявший из ополченской дружины, полностью утратившей сознание собственного предназначения. Её функции он передал надёжной команде из военнопленных «германцев и турок» [1, с. 94]. На ст. Маньчжурия в условиях полного разложения воинской дисциплины солдат он разоружил с помощью шести своих сподвижников местный гарнизон численностью 1500 чел., объявил им демобилизацию и отпустил по домам, посадив их в эшелон следованием до Борзи. Маньчжурский Совет распустил [Там же, с. 104–106]. О разоружении гарнизона он телеграммой сообщил управляющему КВЖД, комиссару Временного правительства, генерал-лейтенанту Д. Л. Хорвату. На что получил его ответ: «Прошу не препятствовать населению устраивать свою жизнь путями, предвещенными Временным всероссийским правительством» [Там же, с. 107]. Содержание телеграммы свидетельствовало о том, что Д. Л. Хорват был не готов даже в декабре 1917 года выйти за пределы постфевральской политической системы [14–17].

Но Семёнов не смутился и вскоре фактически перехватил инициативу у Хорвата во взаимоотношениях с китайскими военными. В результате хитрого хода Семёнова китайцы вместо разоружения его отряда подписали «приказ о дружбе и союзе» с ним [1, с. 124]. Таким образом, стиль его военно-политических действий заметно отличался от общепринятых норм, которые ещё сохранялись

от старого времени в окружении Хорвата. По степени радикализма он был близок к революционному политическому стилю, исходящему из принципа политической целесообразности [18, с. 37]. В этом отношении Семёнову помогала военно-тактическая хитрость, только уже применённая к политике.

Д. Л. Хорват чувствовал со стороны Г. М. Семёнова больше реальных и потенциальных помех для своей политики. Его активность ломала отношения Хорвата с китайцами. Это нарушало сложившуюся стабильность и тревожило «харбинское общество», окружавшее Хорвата [Там же, с. 38]. В целом Семёнов вспоминал о Д. Л. Хорвате и реакции «харбинского общества», как об отношениях, сопровождаемых сплошными недоразумениями [1, с. 111], включая неудавшуюся попытку его ареста [Там же, с. 131].

Одновременно Г. М. Семёнов не забывал, что он имел полномочия комиссара Дальнего Востока. Свою борьбу против Советов он с самого начала рассматривал в международной плоскости, стремясь создать в Сибири «противогерманский фронт». Свои соображения он изложил в Харбине (январь 1918 г.) главам консульств Великобритании, Франции и Японии ещё до появления А. В. Колчака [Там же, с. 132]. Более того, он получил и материальную поддержку Великобритании и Франции, при ОМО появились представители этих стран, включая представителя Японии. Но в марте 1918 года Великобритания твёрдо определилась в пользу А. В. Колчака [8, с. 28–29]. Намечавшаяся лидирующая роль Г. М. Семёнова была им утрачена. Однако нельзя исключать, что его статус комиссара Дальнего Востока с самого начала мешал установлению нормальных отношений с А. В. Колчаком, пробуждая политическую конкуренцию между ними и сказываясь на их внешнеполитической ориентации. При этом следует учитывать, что политические устремления Г. М. Семёнова, поддерживаемого японцами, были направлены на «Запад от Маньчжурии», а у Колчака первоначально – на Владивосток, который располагал запасами вооружения и мог служить базой для создания вооружённых сил. По мнению А. В. Колчака, «в полосе отчуждения ничего серьёзного создать было нельзя» [Там же, с. 31].

Теперь Г. М. Семёнов особого доверия к Великобритании и Франции не испытывал, все его симпатии принадлежали Японии. Это изменило направление его геополитических размышлений в пользу стран Востока. Теперь он стал обдумывать идею создания «Великой

Азии», которую неоднократно обсуждал с glavой специальной миссии при ОМО японским офицером Куроки, отмечая полное совпадение своих и его взглядов [1, с. 133].

Эта идея у него возникла не в результате отвлечённых размышлений, а как результат поиска способов борьбы с ростом международного влияния коммунизма в странах Востока и, прежде всего, в Китае и Монголии [Там же, с. 132–133]. Но на первом плане, естественно, стояла борьба с советской властью в России.

Отношения с А. В. Колчаком складывались сложно. Будущий Верховный правитель увидел в самостоятельности Г. М. Семёнова не только грубое неподчинение Хорвату, но и политического противника, который в борьбе с большевиками вместо союза с Англией и Францией выбрал союз с Японией. Г. М. Семёнов утверждал, что военная поддержка Японии не оговаривалась какими-либо условиями [Там же, с. 159–161]. Он не смог оценить серьёзной потенциальной опасности политической измены, которая таилась в этом взаимодействии, о чём свидетельствует множество фактов [5, с. 30; 6, с. 257–269]. Встретившись с А. В. Колчаком в Харбине, Г. М. Семёнов отказался ему подчиняться. На критику адмирала он твёрдо заявил, что «в своих действиях, как и в своей ориентации, буду давать отчёт только законному и общепризнанному Всероссийскому правительству» [1, с. 160]. Он сопротивлялся выдвижению А. В. Колчака на пост Верховного правителя [Там же, с. 182–183], хотя позже обострившаяся ситуация была урегулирована.

А. В. Колчака и Г. М. Семёнова разделяли не только возникшие личные антипатии и политические расхождения, но и стиль их политической деятельности. А. В. Колчак был радикалом правого толка, как и Г. М. Семёнов, но его радикализм отличался большим политическим консерватизмом, и он не был склонен к политическому маневрированию. О таком типе политиков Г. М. Семёнов писал: «Они решительно отметили революцию, которая их ничему не научила, и являлись апологетами чистой реставрации старого строя, не допуская никаких отклонений от его принципов...» [Там же, с. 210]. Он критиковал А. В. Колчака за проводимую им национальную политику и «настаивал на немедленном признании новообразовавшихся на западе государств» [Там же, с. 193], территория которых до распада Российской империи входила в её состав. Кроме того, в рекомендациях А. В. Колчаку в октябре 1919 года он писал

о необходимости «демобилизации ненадёжных частей» [Там же]. Как видим, Семёнов всё-таки учился у революции, неосознанно действуя в большевистском стиле.

Одновременно он обращал внимание Верховного правителя на настроения масс, которые, как он писал, были «неутешительными для нас...» [Там же, с. 191]. «Народ, – отмечал Г. М. Семёнов, – верил не нам, а им [большевикам], и ...нас ...считал за смутьянов, преследовавших свои эгоистические цели» [Там же, с. 192]. Он «предлагал, учитывая неблагоприятное в отношении нас настроение в стране, дать населению возможность изжить большевизм естественным путём, испытать его на собственном опыте» [Там же, с. 193].

Но это было сильно запоздавшее предложение. Чтобы изжить большевизм, нужно было бывшим господствующим классам и в первую очередь дворянству найти в себе нравственную силу и политическую волю решить земельный вопрос, как этого требовали крестьяне. Не затягивать с его решением до последнего, чтобы после не бросаться с головой в омут Гражданской войны.

Исходя преимущественно исключительно из оценки политического настроения населения, он полагался на насильственные, военные меры, беспощадно борясь с большевиками и их сторонниками, взяв курс на физическое их уничтожение. Свой принципиальный подход он формулировал следующим образом: «Всероссийский бунт, поднятый Лениным, требовал решительных мер для своего усмирения, и *беспощадное уничтожение* [выделено нами – В. М.] предателей и большевиков являлось единственным средством воздействия на потерявший голову, опьяневший от революции народ» [1, с. 131].

Он выделял три категории большевиков. Первая – принципиальные большевики – подлежала беспощадному уничтожению, как и вторая, состоявшая из партийцев, ставших таковыми «в силу личного благополучия и выгоды». Прощения удостоивались только отнесённые к третьей категории, примкнувшие к большевикам по своей «неспособности разбраться в сути большевизма», при условии, «если искренне сознают своё заблуждение» [Там же, с. 106]. Это была самая крупная социальная группа, формально не принадлежавшая партии большевиков, но близкая к ней. Главными фигурами в ней были партизаны и крестьяне, как минимум симпатизирующие большевистской политике. Она численно росла, и Г. М. Семёнов был вынужден бо-

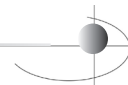
роться с ней путём репрессий и физических расправ. В своих воспоминаниях он попытался смягчить в глазах зарубежной общественности тяжёлое впечатление от проводимых репрессий, но, несмотря на его старания, смыть тянувшийся за ним кровавый след ему не удалось. Масштаб этой борьбы известен [6, с. 255]. Люди об этом не забыли.

В современных публикациях нередко пишут, что его личная вина за гибель людей преувеличена, что прямая вина лежит на непосредственных руководителях и исполнителях. Суть не в этом. Г. М. Семёнов был идеологом репрессивной политики и нёс ответственность за террор власти, которую он возглавлял.

В целом он смотрел на народ «сверху» как господин, в глазах которого пришедшую в неповиновение массу людей нужно было хорошенько проучить. Главная причина их неповиновения в это время им виделась в разрушительном влиянии большевистской агитации и пропаганды. Атаман Семёнов глубоко не вникал в положение крестьянства, не проникался их чаяньем, отстаивая только привилегии казачества, сыграв, пожалуй, главную роль на втором съезде забайкальских казаков в восстановлении казачьего сословия, упразднённого первым казачьим съездом. Как политик, сформировавшийся, словно по рецепту социальной теории марксизма, он представлял интересы сугубо своего класса и своего сословия.

В начале 1919 года в характерной своей манере Г. М. Семёнов попытался воспользоваться оживлением освободительного движения монголов и бурят, чтобы возглавить процесс создания панмонгольского государства. В Чите был проведён съезд и сформировано правительство, названное Даурским. Оно претендовало на территорию Внешней и Внутренней Монголии, Барги и забайкальских бурят [13, с. 76]. Это был первый политический проект, который подводил Семёнова к опасной грани государственной измены. Проект не состоялся из-за недостаточно созревших объективных условий для его осуществления. Панмонгольское движение было только в завязи, проявившее себя преимущественно лишь в идее, которую поспешили оформить в качестве политической претензии на власть.

Хотя было сформировано правительство и стали создаваться вооружённые силы, но международного признания государство не получило. Активно сопротивлялся его созданию А. В. Колчак. Самое главное – Япония проявила неготовность твёрдо поддержать

сторонников создания нового государства. Оно просуществовало недолго – с февраля по сентябрь 1919 года. Единственное, что мог в этих условиях сделать Г. М. Семёнов, – использовать созданные из бурят воинские части в борьбе против забайкальских партизан [13, с. 77, 78].

В 1920 году, уже изгнанный из Забайкалья, он снова пытался использовать территории Монголии и Маньчжурии, но теперь для создания базы борьбы против советской России, которая в это время успешно осуществляла свой геополитический проект – ДВР. Однако и эта попытка использовать геополитический фактор оказалась нежизнеспособной. Ему не только не хватало военных и общественно-политических ресурсов, которые на этот раз резко сократились с исходом белых и интервентов из Забайкалья. Главное – стало быстро распадаться белое движение, во главе которого он оказался после поражения Колчака. От Г. М. Семёнова ушли остатки сибирской армии, возглавляемые в это время генерал-лейтенантом Вержбицким, и он был вынужден временно отказаться от «немедленного» переворота во Владивостоке для воссоздания «противокоммунистического» фронта в Приморье [1, с. 220–221]. В начале декабря 1920 года из-за внутренних противоречий белого движения он вместе со своим штабом оказался в Порт-Артуре, где находился до мая 1921 года, готовя вместе с братьями Меркуловыми задуманный переворот во Владивостоке.

Именно в это время, используя возникшую в его деятельности порт-артуровскую паузу, атаман Семёнов обосновал новую политику в разработанном им «Плане мировой борьбы с большевизмом» (1921). При всей преемственности с прежними политическими взглядами его позиция оказалась принципиально новой. В годы революции и Гражданской войны он боролся с большевиками и революционным народом за Россию. После их победы провозгласил борьбу уже против России, хотя и советской.

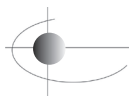
Отмеченная смена вех, если рассматривать её с позиции эволюции его политических взглядов, объясняется тем, что его правый радикализм освободился от балласта радикализма консервативного характера большинства участников белого движения, с которым он ещё недавно вынужденно считался. О радикальном обновлении его взглядов свидетельствует вывод, сделанный в разработанном им «Плане мировой борьбы с большевизмом», словно списанный с большевистского

текста: «Власть должна быть революционной и должна идти впереди, угадывая справедливые потребности масс, а не откладывать все большие вопросы “до Учредительного собрания”» [4, с. 314].

В новой ситуации он попытался консолидировать распадавшееся белое движение на двух принципах – идее мировой борьбы с коммунизмом и исключительно военном способе ликвидации советской России с решающим военным участием международных сил. Провозглашение этих принципов чётко обозначило переход атамана Семёнова от белогвардейской политической платформы к твёрдой антироссийской позиции. Формулой этого перехода стал его тезис «Там, где большевики, – нет России» [Там же, с. 306].

Таким образом, поражение белого движения не привело к пересмотру отношения Г. М. Семёнова к советской власти. Он только перенёс своё отношение к большевикам на всю Россию и ещё основательнее продумывал проводимый им антикоммунизм, разработав в 1930-е годы концепцию «Россизм» – от слова «Россия» [1, с. 295]. В неё он вкладывал патриотический смысл. Однако предлагаемый способ её реализации полностью оказался в лоне, явившем на свет фашистскую и национал-социалистическую идеологии. Он брал их за нешаблонный образец [Там же, с. 294–295] и не скрывал своих политических симпатий к фашизму и нацизму, надеясь на появление новых «Муссолини, Гитлеров и Франко» [Там же, с. 277]. Япония оставалась для него естественным союзником. Всё это полностью перечёркивало его былой патриотизм. Слепленный антикоммунизмом, он так и не понял, что, борясь против СССР, он боролся против России, потому что другой России просто не было. Политический финал, обернувшийся для него личной трагедией, оказался неизбежным, а акт исторического возмездия – законным.

Заключение. Сравнивая атамана Семёнова как политика с адмиралом Колчаком отметим, что Г. М. Семёнов оказался носителем в определённой мере модернизированных взглядов. При сохранении твёрдых убеждений он проявлял себя более гибким, манёвренным политиком, способным извлекать уроки из борьбы с революцией. Но для политики А. В. Колчака и Г. М. Семёнова характерна постоянно сужавшаяся социальная база белого движения и опора на иностранную интервенцию. Последнее в глазах народа, естественно, рассматривалось как антипатриотическая позиция. После поражения в

Гражданской войне антикоммунизм Г. М. Семёнова стал исчерпывающим мотивом его политической деятельности, которая превратилась в прямое сотрудничество с милитаристской Японией, сочеталась с активной поли-

тической поддержкой нацистской Германии, развязавшей войну против СССР и несшей смертельную опасность не только советскому государству, но и национальному бытию России.

Список литературы

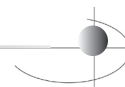
1. Атаман Семёнов. О себе (воспоминания, мысли, выводы). Приложения. М.: АСТ: Гея итэрум, 1999. 320 с.
2. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 гг.: краткие очерки истории. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
3. Василевский В. И. Забайкальское казачество в годы революции и гражданской войны. Чита: Управление судебного департамента в Чит. обл., 2007. 174 с.
4. Выдержки из «Плана мировой борьбы с большевизмом», выработанного генерал-лейтенантом атаманом Г. М. Семёновым в 1921 г. // Атаман Семёнов. О себе (воспоминания, мысли, выводы). Приложение 1. М.: АСТ: Гея итэрум, 1999. С. 301–314.
5. Забайкалье – КНР. Приграничье и межрегиональные отношения. 1945–2007 / под ред. Н. В. Гордеева. Чита: Экспресс-изд-во, 2009. 232 с.
6. Иванов А. А., Кальмина Л. В., Курас Л. В. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.) / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2012. 300 с.
7. Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции / отв. ред. И. И. Минц. М.: Наука, 1977. 320 с.
8. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М.: Мысль, 1983. 295 с.
9. Курас Л. В. Русские фашисты в Маньчжурии в 20–40-е годы XX века // Сибирь в межвоенный период. Монгольская политика. Системная перестройка общества: 1917–1941 гг. Тохоку: Ун-т Тохоку: Сэндай, 2009. С. 129–147.
10. Курас Л. В. Геополитические амбиции атамана Семёнова: политика создания федеративного «Велико-монгольского государства» // Гуманитарный вектор. 2011. № 4. С. 255–262.
11. Курас Л. В. «Три жизни» атамана Г. М. Семёнова: любовь и предательство (к вопросу о фронтире) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2014. Т. 7. С. 94–113.
12. Курас Л. В. Атаман Семёнов: любовь, переросшая в предательство // Власть. 2014. № 2. С. 184–188.
13. Курас Л. В. Панмонголизм в транснациональной истории монгольского мира первой четверти XX века // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 3. С. 71–81.
14. Мерцалов В. И. Постфевральская политическая система и её кризис в Забайкалье (1917–1918 гг.) // Кулагинские чтения: X Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЧитГУ, 2010. Ч. 3. С. 27–30.
15. Мерцалов В. И. Революционная буря // Чита. Страницы истории / отв. ред. М. В. Константинов. Чита: ЗабГГПУ, 2011. С. 164–177.
16. Мерцалов В. И. Постфевральская политическая система. 1917 г. // Малая энциклопедия Забайкалья: власть и общество: в 2 ч. Ч. 2. М–Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2013. С. 187–189.
17. Мерцалов В. И. Революционная власть 1917 // Энциклопедия Забайкалья: Чита / гл. ред. К. К. Ильковский, А. Д. Михалев. Новосибирск: Наука, 2014. С. 445–448.
18. Мерцалов В. И. Особенности политического радикализма атамана Семёнова // Забайкалье историческое: материалы VI Межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Мороз. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 35–42.
19. Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семёнова / науч. ред. И. В. Наумов. Иркутск: Оттиск, 2013. 324 с.
20. Рубанов Е. А. «Великая Монголия»: несостоявшийся японский проект буферного государства в Восточной Азии в 1919 году // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2014. № 3. С. 149–154.
21. Шалак А. В. К вопросу о политической и правовой реабилитации А. В. Колчака: историко-геополитический контекст [Электронный ресурс] // Baikal Research Journal: электрон. науч. журн. Байкальского государственного университета. 2017. Т. 8, № 2. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru> (дата обращения: 10.03.2018).

Статья поступила в редакцию 24.03.2018; принята к публикации 20.05.2018

Библиографическое описание статьи

Мерцалов В. И. Атаман Семёнов как политик // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 43–52. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-43-52.

Viktor I. Mertsalov,
Doctor of History, Professor,
Transbaikal State University
 (30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
 e-mail: mercialov47@mail.ru

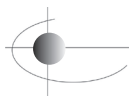
Cossack Ataman Semenov as a Politician

Evolution of a Cossack ataman G. M. Semenov's views and peculiar features of his political attitudes has been revealed in the article based on his memoirs, principle historical methods and political approach were used. During World War I, Grigory Semenov being a staunch monarchist influenced by military setbacks and liberal propaganda lent himself to constitutional monarchy to be established either through self-imposed abdication of Nickolas II or by taking power in a palace coup. After Russian monarchy had collapsed, he became a strong supporter of military dictatorship establishment in Russia. Political activities of Cossack ataman Semenov are described as right-wing radicalism with characteristic features of so-called "revolutionary style" in comparison with A. V. Kolchak's conservative radicalism. Constant use of tactical ruse often with touch of political adventurism was an individual feature of his political activities. He was aware of A.V. Kolchak's conservative radicalism limits at the same time and tried to go his own way using geopolitical factor in his activities. He also took into account Bolsheviks' political experience and used it to the extent possible. Anti-communism being specific feature of his activities after the civil war in Russia has become his comprehensive motive, thus, he defected to Nazi Germany and its allies. Being blinded by anti-communism, he failed to understand that his fight against the USSR was actually against Russia. His political failure resulting in his personal tragedy was inevitable, and historic act of revenge was legal.

Keywords: Cossack ataman Semenov, D. L. Horvat, A. V. Kolchak, political radicalism, geopolitical factor, political concept of "Rossism"

References

1. Ataman Semenov. About Myself (Memoirs, Ideas, Summing-Up). Appendices. M: "Firm "Publishing house AST", "Gaea Iterum" Ltd., 1999. (In Rus.)
2. Vasilevskiy, V. I. Statehood of the Whites in Transbaikalia in 1918–1920: History Essays. Chita: Poisk, 2000. (In Rus.)
3. Vasilevskiy, V. I. Transbaikalian Cossacks during the Period of Revolution and the Civil War. Chita: Printing and Publications Center, Press Service of Justice Department Administration of Chita's oblast, 2007. (In Rus.)
4. Extract from the "Global Struggle Plan against the Bolsheviks" worked out by Lieutenant General Ataman Semenov in 1921. In: Ataman Semenov. About Myself. (Memoirs, Ideas, Summing-Up). Appendix I. M: "Firm "Publishing house AST", "Gaea Iterum" Ltd., 1999: 301–314. (In Rus.)
5. Transbaikalia – PRC. The Borderland and Trans-Regional Relations. 1945–2007. Edited by Gordeyev, N. V. Chita: Express Publishing House, 2009. (In Rus.)
6. Ivanov, A. A., Kalmina, L. V., Kuras, L. V. Transbaikalian Periphery on the Turning Point of Epochs (1880–1920). Bazarov, B. V., main editor. Irkutsk: Ottisk, 2012. (In Rus.)
7. Ioffe, G. Z. Monarchist Counterrevolution Collapse in Russia. Mints, I. I., main editor. M: Nauka, 1977. (In Rus.)
8. Ioffe, G. Z. Admiral Kolchak's Venture and Its Collapse. M: Mysl, 1983. (In Rus.)
9. Kuras, L. V. Russian Fascists in Manchuria in the 1920s – 1940s. In: Siberia during Inter-War Period, Mongolian Policy. System Reorganization of the Society: 191–1941. Tohoku: Tohoku University, Asian Research Centre, Sendai (Japan):129–147. (In Rus.)
10. Kuras, L. V. Ataman Semenov's Geopolitical Ambitions: Efforts to Establish "Great Mongolia" Federal State. Humane Vector, no. 4, pp. 255 – 262, 2011. (In Rus.)
11. Kuras, L. V. "Three lives" of Ataman Semenov: Love and Betrayal (On Frontier). Review of Irkutsk State University. Series History, vol. 7, pp. 94–113, 2014. (In Rus.)
12. Kuras, L. V. Ataman Semenov: Love Turned Into Betrayal. Vlast, no. 2, pp. 184–188, 2014. (In Rus.)
13. Kuras, L. V. Pan-Mongolism in Transnational History of the Mongolian World in the First Quarter of the XXth Century. Bulletin of BSC SB RAS, no. 3(23), pp. 71–81, 2016. (In Rus.)
14. Mertsalov, V. I. Post-February Political System and Its Crisis in Transbaikalia (1917 -1918). X International Kulagin Scientific Conference. Chita: Transbaikal State University, 2010. Part 3: 27–30. (In Rus.)
15. Mertsalov, V. I. Revolutionary Storm. In: Chita: Chapters of History. Konstantinov, M. V., main editor. Transbaikal State Humanitarian-Pedagogical University. Chita, 2011: 164–177. (In Rus.)
16. Mertsalov, V. I. Post-February Political System in 1917. In: Small Encyclopedia of Transbaikalia: Power and Society: in 2 parts. Geniatulin, R. F., main editor. Novosibirsk: Nauka, 2013. Part 2: M – Z: 187–189. (In Rus.)
17. Mertsalov, V. I. Revolutionary power in 1917. In: Encyclopedia of Transbaikalia: Chita. Ilkovskii, K. K., Mikhalev, A. D., main editors. Novosibirsk: Nauka, 2014: 445–448. (In Rus.)

18. Mertsalov, V. I. Characteristic features of Ataman Semenov's Political Radicalism. Historical Transbaikalia. Proceedings of the VI Trans-regional Conference. November, 24, 2017. Moroz, A. I., main editor. Chita: Transbaikalian State University, 2017: 35–42. (In Rus.)
19. Romanov, A. M. Special Manchurian Squad of Cossack Ataman Semenov. Naumov, I. V., Science editor. Irkutsk: Ottisk, 2013. (In Rus.)
20. Rubanov, E. A. "Great Mongolia": Failed Japanese Project to Establish a Buffer State in Eastern Asia in 1919. Bulletin of Perm State University. Series History, no. 3 (26), pp. 149–154, 2014. (In Rus.)
21. Shalak, A. V. On Political and Legal Rehabilitation of Admiral A. V. Kolchak: Historical and Geopolitical Framework. Baikal Research Journal, t. 8, no. 2, 2017. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).2. Web. 10. 03. 2018. <https://www.cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-politicheskoy-i-pravovoy-reabilitatsii-a-v-kolchaka-istoriko-geopoliticheskiy-kontekst> (In Rus.)

Received: March 24, 2018; accepted for publication May 20, 2018

Reference to the article

Mertsalov V. I. Cossack Ataman Semenov as a Politician // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 4. PP. 43–52. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-4-43-52.